

*Российский Межрегиональный Союз Писателей
Академия Русской Словесности
и Изящных Искусств
им. Г.Р.Державина*

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

ВЫПУСК № 13

Литературно-художественный журнал

Вячеслав ПОЛЯКОВ

Кайка

Кайка — небольшая 3,5 м — 4,5 м, гребная двухвесельная плоскодонная лодка. — Основа культуры «старых азовцев-казаков-камышников» Нижнего Дона. Без кайки вообще невозможно представить казака донского, кубанского, терского, уральского (яицкого) и других представителей древней заимшишной поречной культуры.

Во всех доступных автору изданиях не удалось встретить простого и понятного с детства названия лодки — «кайка». Жизнь нижнедонского казака начиналась и заканчивалась «кайкой». До сих пор на Нижнем Дону говорят о смертельно больном или усопшем «ему кайка». Наверно это отголоски древней дохристианской индоарийской культуры погребения через сожжение погибших героев в кораблях. Так поступали не только скандинавы-викинги — выходцы с Нижнего Дона. Читайте об этом у Т. Хейердала в его последней книге «В поисках Одина». В русской специальной литературе 19 в. и в «Казачьем словаре-справочнике» т. II Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1968 г. упоминается название лодки и есть статья «Каюк». В принципе каюк это кайка, но побольше, до двух пар весел и грузоподъемностью не 300 — 600 кг, а 500 кг — 1,5 т. Еще больше у казаков «байды» от 1 т. до 35 т., 2-6 гребцов, чаще 4, по одному на весло. За байдами следуют легендарные многовесельные до 15 пар, парусно-гребные, боевые казачьи «чайки». Но главным, индивидуальным, универсальным, каждодневным плав. средством у казаков все же были кайки.

Цель статьи ввести в научный и литературный оборот понятие «кайка».

В дельтах Дона, Днепра, Кубани и Терека люди жили в доинструментальный период с эпохи палеолита и чем говорят многочисленные археологические находки. Обильные пищевые ресурсы — «Божий присуд» по-казачьи собирался просто руками. Во время нереста, в весенний разлив, в дельте Дона «рыба шла

горбом» — из бурлящей от косяков рыбы воды торчали спины тарани. В ерчиках (протоках вытекавших и впадавших в ерик) текущих по «паше» (заливных лугах) где выпасался после схода воды скот на особо сочной и сладкой траве, скапливалось огромное количество рыбы — сазанов и даже осетров, севрюги и стерляди. Эта рыба не могла скатиться в ерик (проток вытекавшей и впадавшей ниже в основное русло реки). Плескаясь, рыба сама вырывала яму и валом преграждала сток вниз в ерик. Дети, играя, вытаскивали эту рыбу на берег в огромном количестве. Где этого не делали люди, там пировали птицы и животные.

Когда появились орудия, средства охоты и рыболовства, в том числе, плоты из камыша, связанные «чаконом» (рагозом), по-казачьи, «салы», и наконец с появлением пил, позволявших сделать доску и рейку для обшивки, появилась «кайка». Когда у камышников — старых азовских казаков появились пилы, неизвестно. На перекрестке древних цивилизаций Востока, Юга и Запада, полагаем, что это произошло не позднее V-VI веков до н.э., когда возникли в дельтах Дона и Кубани греческие города-колонии древняя Тана, затем Танаис. Останки больших греческих и римских галер обнаружены археологами в Мертвом Донце (северном рукаве донской дельты) и в реке Маныч. Малых гребных судов — лодок пока не обнаружено. Но без малого флота большого просто не бывает.

Следовательно, можно утверждать, что прообразы казачьих каек появились в дельте Дона не позднее IV века до н.э.

В станице Елизаветинской — бывшей греческой Тана археологами обнаружены большие рыбные «просола», по-казачьи, для объемной (промышленной) засолки рыбы построенных в IV в. до н.э., вылов которой в таком количестве был не возможен без малых судов-лодок. Погрузка и выгрузка больших морских судов тоже.

До появления греков в дельте Дона там проживали многие народы, в том числе древ-

ние меоты (прославяне), скифы, асы, аланы и др.

Вмещающий ландшафт формировал определенный тип поречной приморской культуры. Неважно когда аборигены и пришлые народы, проживающие в дельте и на бесчисленных притоках Дона, ериках и ерчиках, лиманах и озерах стали называть себя казаками. Образ жизни и местная культура практически не изменилась. Казаки жили «с травы да с воды», «не сеяли не жали, завсегда сыты бывали».

Не совсем верно представлять казака только на коне с нагайкой, пикой и пашкой, точнее низового казака всегда вооруженного, но в кайке. Казаки народ поречный, приморский. Не надо забывать, что все 11 казачьих войск назывались от названий рек и морей: Донцы, Кубанцы, Терцы, Агроханцы, Уральцы, Семиреки, Амурцы, Черноморцы, Азовцы и др.

На водоразделах в Великой Евразийской Степи господствовали до поры кочевники-номады. Для них естественным препятствиями были реки, озера, моря, болота, непроходимые леса и горы. У низменных рек с болотистыми, топкими, заросшими камышом берегами, густыми кустарниками и лесами кочевники искали проходы для водопоя и брода. В известных казакам местах устраивали переправы «на салах». Степники очень остерегались встречи с камышниками. Лучше было договориться с ними или нанять для переправы на больших реках, что делали татаро-монголы.

Они организовали специальные переправы на которых служили «казаки-ордынцы» на всей территории огромной империи. Еще при чингизах казаки-ордынцы проникли на восток в Сибирь, Среднюю Азию до самого Курулена и даже Китая (Быкадоров, Гордеев, Савельев). Речные магистрали образовали географический каркас исторического пространства, стали трассами расселения казаков первопроходцев. Они освоили это огромное пространство в одну шестую часть земной суши, одухотворили и закрепили за теми или иными формами государственной целостности. Процесс освоения был невозможен без легендарной «чудо кайки».

Низовое Донское Казачье войско (Глав-

ное войско оно же Великое Войско) было неуловимо для противников, наступавших на казаков-камышников конно в пешем строю или на больших кораблях. Казаки практически мгновенно растворялись в безбрежной камышовой стихии и столь же неожиданно для противника собирались в Войско, нанося сокрушительные удары. Они были неуловимы благодаря москитному флоту каек.

Рассредоточившись на всем пойменном пространстве в городках-займищах, казаки создали очень эффективную систему оповещения, едва уловимыми для непосвященных, знаками, звуками птичьих посвистов и криканий, заломами камыша, световыми и дымовыми сигналами, с помощью вешек и каменных туров и даже просто грязи. Существовал даже отдельный язык света, полностью заменявший речь. Казаки с помощью заломов и плетений камыша могли «написать» целый текст.

Зимой, когда противник мог достать казаков по льду, они собирались в Главное Войско на зимовку и большими силами в укрепленных местах могли вести эффективную оборону.

На высоких кайках большими и малыми партиями (легковыми станицами) казаки, минув открытые степные пространства, по Кумо-Манычской системе рек и озер уходили на Каспий, Волгу, Яик (Урал) и Терек. Был путь на кайках на Кубань и в Запороги.

Кайки очень легкие, их можно даже в одиночку, как байдарки, переносить на плечах или вдвоем на руках. На многие десятки километров они перетаскиваются одной лошадью «на волокуше». Просты и дешевы в изготовлении, мореходны и непотопляемы когда обвешаны «салами». Легко с помощью шеста или «бабаик» (весел) на них можно пробираться вперед и назад через густые заросли камыша, не ломая его и не оставляя за собой следа, поэтому, на кайке очень легко и быстро «схаваться у камыши».

В конце 50-х годов прошлого столетия автор не раз становился свидетелем постройки каек и других казачьих судов в станице Елизаветинской бывшей древнегреческой Тане.

Накануне постройке мастер, звали его Валентин, обходил казачьи дворы и предла-

гал «пошить», «поконопатить» и «поблачить» Кайки, которых было много у каждого казака.

В одиночку, без подручных, не торопясь, мастер полностью делал кайку за три дня. Очень хорошая «легкая и ходкая» кайка стоила тридцать рублей «хрущевками», но можно было договориться и за пятнадцать. Проконопатить и «поблачить» три-пять рублей. Сшивали набор и обшивали корпус без единого гвоздя и шурупа. Все делали с помощью просмоленной веревки, топориком, долотом, стамесками, киянкой, рубанком, коловоротом «на шип» (нагель). Каждую деталь набора и обшивки тщательно подгоняли и пропаривали варом на натуральной смоле и олифе. Тянули веревками и воротами. В Кайке за тридцать рублей набор был из дуба. Стоимость материалов в цену не входила.

На островах в дельте Дона все передвижения были на кайках: в гости, по делам, на работу, в школу, в магазин. Особенно в весенний разлив и при «низовке» - юго-западном ветре. Свадьбы, праздники, гулянья и похороны низовых казаков-камышников — все на кайках. Гуляли по Дону с песнями всей станицей на многих сотнях каек одновременно. Ходили на них с 4-5-летнего возраста до глубокой старости. Иногда «громадили бабайками» - гребли на веслах 90-летние старухи. На рынок «базар» из станицы Елизаветинской вверх по течению на 20-25 км в г. Ростов-на-Дону уходили целые флотилии каек и каюков, груженных рыбой, фруктами, овощами и молоком. Часто гребли женщины, уходя из станицы поздно ночью, чтобы на зорьке быть на базаре. Это все говорит о легкости хода каек.

Передвигаться на них было удобно, комфортно и гораздо быстрее, чем порою даже на лошади, особенно если спускались вниз по течению. Вверх шли галсами, пересекая «стрезень» (быстрое течение посередине реки), двигаясь по мелководью «по куширям» (зарослям), где вода почти стоячая.

Веками созданная культура нижних донцов-камышников позволяла невероятно эффективно вести боевые действия на кайках. Находясь по двое-трое в кайке казаки брали на abordаж любой тип кораблей и торговых судов, подходя к ним в ночи, непогоде, тумане,

внезапно возникая «ниоткуда» из своей родной стихии — камышей. Громили стоящие на рейде, шли проплывающие по фарватеру корабли и суда. Подбираясь к неприятелю, часто притапливали кайки в салах и маскировались под плывущее дерево или куст. На отмели за «провы» - штевни мгновенно «сушили» легкую кайку, переворачивая ее прямо в воде. Многие умели это делать с детства и на большой воде, немного затем поработав «текучем»-черпаком. Огнестрельное оружие, боеприпасы, бомбы и мины перевозили в кайках в сухих бурдюках, чтоб не сырели. Отдыхали, готовили еду и справляли нужду не сходя на берег.

Поразить множественные цели неприятель не мог. Опыт сражений доказывал гораздо большую эффективность и меньшие потери при морских и речных сражениях на кайках. Они облегчал незаметный подход и внезапность нападения на ночные кавалерийские и пехотные станы противников.

Мы полагаем, что легендарные кайки должны занять достойное место в пантеоне военных лодок и кораблей всех стран и народов.

Казаки-дворяне

Казаки никогда не знали рабства: они никогда никого не унижали и сами никогда не знали рабского гнета. Отсюда их первое и главное достоинство: чувство внутренней свободы. Вместе с тем органической чертой казака всегда была присущая любовь к порядку. Гармоническое сочетание этих двух начал (свободы и порядка) всегда делало из казаков самую верную опору, самый надежный оплот здоровой государственности на демократической основе. «Где нет равенства, там нет справедливости, а где нет справедливости, там нет нравственности, где нет нравственности, там нет будущего». Эти начала всегда лежали в основании строительства казачьей жизни.

Казак законно и справедливо гордился собой, и эта гордость основана не на внешних данных — не на интересе, не на крови, — а на трезвом чувстве собственного достоинства, утвержденного на основах высшего порядка.

Этим объясняется поразительная сила ассимиляции, претворяющей национальную пестроту в феномен казачества.

Отсутствие равенства вносило разрушительную болезнь в жизнь русского духа, воспитывая в одних рабство, жадно жаждущее лишь «реванша», в других – привычку к бесконтрольной власти, к произволу современной коррупции – взяточничеству, и, обязательно «Божиею милостью», за отсутствием других оснований. Отсюда – вечная взаимная вражда, борьба между властью и народом.

Примечательно, что борьба за власть – против народа – всегда велась в России от имени народа, которому по-прежнему определена роль статиста в истории. Прежняя власть успела приобрести хотя бы культурные формы управления. Там, где нет должной правды в отношении к собственному родному народу, – не может быть правды и к казачеству.

Власть всегда охотно пользовалась врожденной любовью казаков к законности и порядку для укрепления своей позиции. Эта политика всегда была провокационной для казаков. Казачьи «вольности», в сущности, оставались только словами в манифестах, жалованных грамотах, президентских указах и государственных законах.

Казачья свобода, конечно, остается для русского народа идеалом и сегодня, потому что только на исторических казачьих началах свободы и порядка и может прочно укрепиться здоровая государственность общероссийская. Возрождение казачества – ответ русского народа на гнилой порядок, который построен на палке, защищающей народное бесправие.

Миссия казачества поэтому остается пока в силе – самым фактором своего существования, всей природой своего духа, показательным полем разумной государственности.

Казачьи-дворяне – гражданское состояние неизвестное в казачьих общинах и республиках во время их независимого существования. Правда, доверие, уважение и высокая оценка боевых заслуг в свободном обществе часто открывали казаку дорогу к выборным постам и некоторым экономическим преимуществам «личности из народа», но дворяне с особыми правами появились только в XVI веке среди

«царских холопов», служилых казаков, как средство прикрепления их к кругу служебных обязанностей. Историк Ключевский указывает, что «в 1585 г. в Епифановском уезде 289 донских казаков зараз были поверстаны в звание детей боярских, составляющих низший чин провинциального дворянства, и получили там поместные надель». По особым заслугам многие казаки были наделены и крупными земельными участками со званием и правами дворян-помещиков. Их роды поставляли первых кандидатов на должности военных начальников, как в казачьей городской службе, так и в стрелецких полках – «приказах». Привыкнув к положению «начальных людей», новые дворяне отходили от казачьей народной среды, роднились с русским дворянством и все крепче прирастали к русскому быту. Они знали, что вернувшись в казачье общество на Дону, они потеряют все приобретенные преимущества, и потому только немногие из этой «верхушки» оказались впоследствии на казачьих реках. Зато многие потомки дворянских родов и сейчас помнят свое казачье происхождение.

Вслед за присоединением земли донских казаков к России установлены были общие имперские права гражданского состояния. В 1798 году император Павел I ввел у казаков армейские чины и присвоение офицерам дворянского звания. Казак получал личное дворянство после производства в первый офицерский чин, или продвинувшись в статской службе до чина IX класса (титулярный советник), или будучи награжден орденом, учрежденным для чиновников или офицеров. Потомственное дворянство казак приобретал, дослужившись до чина действительного статского советника в гражданской или до чина полковника (позднее до чина войскового старшины) в военной службе, или если был награжден орденом Святого Георгия, орденом Святого Владимира или каким-либо другим орденом первой степени. Это были «служилые дворяне». Если же казак за особые заслуги награждался крупным поместьем, он становился «поместным дворянином». Донской атаман М.И. Платов и Ф.П. Денисов, получив поместья, возведены в графское достоинство».

Сохраняется предание, что царь Иван Грозный наградил Ермака Тимофеевича за покорение Сибири титулом князя Сибирского.

Так сложилось расслоение казачества на казаков-помещиков и казаков-общинников. Но это расслоение ни в какой мере не может быть сравнимо с той пропастью, которая лежала между казаками и крепостными крестьянами и оставалась не вполне сглаженной до 1917 года. Не надо при этом забывать, что не только войсковые старшины, но и некоторые донские станицы владели крепостными крестьянами.

Казаки в дореформенное время не только считали себя, но и действительно были по объему своих прав и обязанностей значительно выше крестьян и других податных сословий. От крестьян они отличались прежде всего личной свободой, а от других податных сословий — свободной от подушной подати. Можно сказать, что до великих реформ Александра II все сословия делились на две резко разграниченные группы: привилегированные и податные сословия. К первой относились дворянство, духовенство и казаки, к другой — купечество, мещанство и крестьяне. Это подтверждается тем, что до революции, упразднившей сословия, можно было быть одновременно дворянином или священником и казаком, но нельзя было крестьянину или члену податного сословия быть в то же время и казаком. Каждый казак мог стать дворянином или священником, оставаясь казаком, а потомки казака-дворянина если в течении трех поколений не получают офицерского чина, и дети казака-священника, если не посвящались в духовный сан, теряли дворянство или принадлежность к духовенству, но оставались при этом казаками.

Казак-помещик, казак — генерал-адъютант, казак-сенатор, бывая в родном хуторе, в станице, пользовались всеми правами и не имели никаких особых привилегий по сравнению с остальными станичниками. Они имели свой пай в станичных землях, право голоса на станичном сходе и подчинялись власти своего станичного атамана, хотя бы он и был старшим урядником.

У казаков было, да и есть еще ясно вы-

раженное сознание своего единства, того, что они и только они составляют Войско Донское, Войско Кубанское, Войско Уральское и другие казачьи войска.

Казаки — поместные титулованные дворяне — получали в награду за особые заслуги от императора поместья во всех губерниях России, только не в пределах казачьих войск, где у них оставался офицерский и наградной пай до 1500 десятин.

Имея возможность выкупать крепостных крестьян, невольников — плененных христиан в Турции, Персии и на Кавказе — или брать ясырь (пленных), казаки отпускали их на волю, выделяли им из юртовой (станичной) землю для поселения и устройства сел. Уже вольных селян привлекали в качестве наемных работников для обработки своих паев, получаемых только на время прохождения службы, после которой казак лишался пая. Оставался наградной пай, который не передавался по наследству. По «обычному праву» вдовы получали половину пая, а вдовы с сиротами полный и наградной пай.

Если у казака уходили служить не один, а сразу несколько сыновей, дослуживались до офицеров и имели награды, то обработать выделенную землю он со своей семьей физически не мог. Поэтому вынужден был либо сдавать пашую землю в аренду селянам, либо нанимать их на работу. Лучших пригодных к службе селян на состязательной (соревновательной) основе верстали в приписные, которые уходили на службу в казачьи полки, полностью снаряжались, получали в подарок коня за счет станицы и наделялись полным юртовым казачьим пашем земли. Дети приписных уже были природными казаками. Приписные — иногородные, по народному постановлению принятые в замкнутую казачью среду. Если на казачьи земли приходили казаки из семей, задержавшихся на Руси, в Литве или на Украине, и они имели доказательства своего казачьего происхождения, то наши предки принимали их сразу и считали их природными, а не приписными. Без доказательства о казачьем происхождении — свидетельства казаков — в казаки не принимали, считали «сказочным казак-ом», то есть с его собственных слов.

Никакого подневольного труда у казаков в природе не существовало. Пленных иноверцев (басурман) отдавали за выкуп в обмен на именных, прежде всего своих станичников или других христиан.

Девушек-ясырок (полянок) к сожителю никогда не принуждали (это был очень большой грех), а выкрещивали и, с позволения прежде всего всех казачек и всей «Честной станицы», брали в законные жены или отдавали замуж за селян.

Казаки-дворяне брали в аренду резервную войсковую, а не юртовую землю для устройства конных заводов, организации сельскохозяйственного производства, устройства шахт для угледобычи и других видов промышленного использования. Выплачивали войскам аренду и подоходные налоги.

В казачьих войсках было организованное дворянское сословие, преимущественно из казаков. Большинство образованных людей и чиновников в войсках были казаки. Между казачьим дворянством и интеллигенцией, с одной стороны, и казаками — с другой, не было и не могло быть пропасти, какая существовала между дворянством и интеллигенцией губерний России и крестьянством. До 1905 года русский крестьянин не мог поступать в высшее учебное заведение, стать офицером или чиновником, не выйдя из крестьянского сословия, не порвав совершенно со своей бывшей средой. Казак же, оставаясь казаком, шел в университет, становился судьей, доктором, офицером, чиновником, председателем окружного суда или дипломатом, но всегда оставался казаком.

Казачьи военные чины окончательно утверждены в Табеле о рангах Положением о казачьих войсках. В 1835 году права казачьих «чиновников» — офицеров регулировались. Сводом законов российской империи (т. IX). Существовали казачьи чины: подхорунжий, хорунжий, сотник, подъесаул, есаул, войсковой старшина, полковник, генерал-майор, генерал-лейтенант и генерал от кавалерии. К чинам от подхорунжего до есаула обращались «ваше благородие», к есаулу, войсковому старшине и полковнику «ваше высокоблагородие», к генералам «ваше превосходитель-

ство», а к титулованным — «ваше высокопревосходительство».

Что бы выйти в офицеры, необходимо было сдать офицерский экзамен на общих основаниях для всех офицеров русской армии. Первый офицерский чин присваивался только личным указом государя императора «О производстве в офицерское достоинство».

Систематическая подготовка к офицерской службе проводилась в кадетских корпусах, в Новочеркасском и Оренбургском казачьих училищах, а также в казачьей сотне Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. Если же казак поступал в общевойсковое военное училище, то и оттуда он выпускался с производством в казачий чин хорунжего, после чего командировался на службу в казачью же конную и пластунскую часть или в любую общевойсковую. Обер-офицеры казачьих полков производились в следующие чины, прослужив в прежнем три года. Чин есаула получать было труднее — только при освободившейся вакансии на должность командира сотни. После десяти лет службы в чине есаула можно было ожидать, при наличии вакансии на должность заместителя командира полка, чина войскового старшины. На должность командира полка — полковника — утверждал Государь Император.

Быстрое продвижение по службе в штаб-офицерских чинах удавалось лицам, окончившим одну из военных академий (Генерального штаба, артиллерийскую, инженерную, юридическую, интендантскую) или хотя бы одно из дополнительных школ с высшей программой (кавалерийскую, офицерскую стрелковую, артиллерийскую).

Во время Первой мировой войны офицеры-казаки производились в последующие чины после четырехмесячной фронтовой службы в пластунских частях, шести месяцев в коннице, девяти в артиллерии, за два ранения, за 12 месяцев командования сотней и т.п., производились также в качестве награды за отличие в боях и получив орденом Святого Георгия Победоносца.

История предопределила назначение того военного сословия Российской империи, которое называется казачеством. В своей сути оно

уникально и создавалось не годами, а многими столетиями. Его историческая роль общеизвестна и сомнению не подлежала и не подлежит ни вчера, ни сегодня, ни в будущем.

Во-первых, это землепроходство и открытие новых земель на «Восходе Солнца». Эта дорога была проложена казаками-ордынцами и дружиной атамана Ермака Тимофеевича —

Князя Сибирского и отмечена тысячами безмолвных могил безвестных казаков-удальцов с крестами из плавника.

Семен Дежнев, Владимир Атласов, Иван Козыревский, Ерофей Хабаров, Петр Бекетов и другие запечатлели свои славные имена первопроходцев на географической карте. Среди их соратников — сибирских и якутских казаков — не было людей слабых душевно и физически, способных спастись перед теми трудностями, которые постоянно вставали на их пути. Если отступали, то только для того, что бы пойти вновь и вновь к заветной цели, что бы добиться ее любой ценой — ценой человеческих жизней, трудов, перенесенных опасностей.

Во-вторых, это «хождение казаков в отцах духовных» православного народа в злую годину смут и национальных испытаний, социальных катаклизмов, борьбы России за свое историческое величие. Для казаков — патриархов Гермогена и Дмитрия ростовского — независимость Отечества от покушений на него явных и тайных врагов была превыше всего в жизни.

В-третьих, это стремление самых широких казачьих кругов стать объединительной

силой русской земли. Казаки во все времена были государственниками. Воссоединение великой России и Белоруссии далось казачеству, в первую очередь реестровому украинскому, дорогой ценой в десятки тысяч жизней.

Та освободительная борьба дала немало великих личностей казаков-государственников. Среди них — гетман Богдан Хмельницкий, полковник Максим Кривонос, Иван Богун и Даниил Апостол. Все они стали на века героями воссоединения Украины с Россией.

В-четвертых — руководящая роль казаков в народных восстаниях, которыми полна история России. Тема Степана Разина, Емельяна Пугачева, Кондратия Булавина, Максима Железняка, Ивана Балаша и многих других — отдельная и очень обширная.

Наконец, выдвижение казачеством из своей «могучей» среды великих людей в разные области науки, литературы, медицины, изобразительного искусства... Это было частью служения Отечеству воинского сословия казаков. Но самое главное предназначение казачества и его войск — это защита пределов родной земли, ее вооруженная защита, идущая из глубокой древности. Илья Муромец — «матерый первый казак». В Киево-Печерской лавре сохранилась гробница с его останками (мощами). Русская Православная Церковь канонизировала Илью Муромца. День его памяти отмечается 19 декабря.

За семьдесят лет в двадцатом веке уничтожить казачество не удалось. Очевидно, его историческая роль не закончена.

